

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ПРОКУРОРСКАЯ КРОВЬ

РАССКАЗ

Умер Серёга Хрунов.

Об этом мне сообщил мой однокашник по юрфаку Леонов, позвонив по телефону.

— Ёлки зелёные! — невольно вырвалось у меня, и связь неожиданно прервалась.

С Серёгой я виделся последний раз лет десять назад, когда приезжал в Н-ск в командировку. Встретились мы мельком, перекинулись несколькими словами. И я обратил внимание, что он не по возрасту сед. Это не было странным. Он всегда вёл напряжённую жизнь человека, пытающегося всех вокруг выстроить под некий идеал. Потому не дружил с коллегами, бодался с начальниками. При всём этом он оставался милиционером, был опером угрозыска, и опером хорошим.

Мы были знакомы с детства. А детство наше прошло в маленьком сибирском городе на тридцать тысяч жителей с названием Черноводск.

Когда мне было семь лет, и я готовился идти в школу, мои родители переехали к новому месту жительства. Так я оказался в некоем посёлке, сейчас его назвали бы микрорайоном, где жили работники маслозавода. Хотя сам маслозавод был уже за городом, поскольку его поглотил построенный молкомбинат. В пятидесятые годы прошлого века, как писали передовицы газет,

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале "Наши современники" и других изданиях.

“полным ходом шла реализация программы развития мясо-молочной промышленности”.

С мальчишками маслозавода я ещё не познакомился, хотя знал, что они в контрах с кодовой ребятней с соседней улицы — Рыбхозовской. Хотя, смешно сказать, рыбхозовский завод тоже перенесли за город, и на территории “рыбхозовских” остался только рыбхозовский магазин.

Была макушка лета — июль. Стояла невероятная жара. Но до двенадцати дня на улице было вполне терпимо. Мать отправила меня в магазин за постным маслом, объяснив, что рыбхозовский магазин ближе, чем другие. Она понятия не имела, что ходить в этот магазин маслозаводским ребятишкам было заказано.

Из магазина я вышел, прижимая одной рукой к туловищу бутылку с маслом, горлышко которой было заткнуто газетой, другая рука у меня была занята сдачей.

Неприятное чувство вдруг охватило меня. Это было чувство опасности. И я не ошибся. Из-за угла магазина, как горох, высыпало с десятков разновозрастных ребятней. Все они, в соответствии с сезоном, были одеты в разноцветные, выдавшие виды майки и одинаковые чёрные сатиновые трусы. Правда, и то, и другое было настолько выгоревшим, что больше походило на серое.

На лицах их была неопишуемая радость, какая бывает у охотников, в ловушку которых попался тот, на кого эту ловушку насторожили.

Но бить противника просто так было нельзя в соответствии с некими правилами уличного житья. *Правильные пацаны* не могли опуститься до такой низости. И один из них сказал:

— Я знаю его, он из маслозаводских.

— Ну, и что? — возразил другой, которого я мысленно назвал Толстиком, потому что он был толст; у него были карие глаза навывкате. — Он к кому-нибудь лез?

— Он ко мне лез, — не унимался первый, — тогда...

Это “тогда” имело глубокий смысл, оно связывало моих противников некоей обидой, нанесённой им маслозаводскими. И именно она позволяла “не в падлу” нанести первый удар. А дальше в этой стае просыпался некий инстинкт: молотить противника так, чтобы потом никто не мог сказать, что ты делал это плохо или, не дай Бог, боялся бить. При всём при том, действие это называлось весьма нейтрально — помолотом.

— Он не мог к тебе лезть тогда, потому что только приехал, — сказал Толстик.

— А ты откуда знаешь? — спросил его кто-то.

— Я всё знаю, — ответил ему Толстик.

— Лез, лез, — настаивал первый.

— Не мог он к тебе лезь, — возражал Толстик. — Докажи!

— Чё тут доказывать, — ерепенился первый. — Лез — и всё.

— Хватит базарить, у вас что, рук нет? — вмешался ещё кто-то, озвучив уличный афоризм, услышанный, видимо, от старших пацанов.

— Последнее дело, — сказал Толстик, — пацанов ни за что бить... Тем более что у него руки заняты...

Слова его возымели действие, и толпа расступилась, давая мне с бутылкой постного масла уйти невредимым на свою территорию.

Осенью мы пошли в школу, точнее, в школы. Рыбхозовские попали в восьмилетку, а большинство маслозаводских по территории — сразу в среднюю. Это ещё более усилило наше разделение.

Так продолжалось два года, пока судьба снова не переместила нас. Мои родители и родители Толстика построили, наконец, дома на новой улице. И мы оказались соседями. И только там я узнал его фамилию и имя.

У Толстика — тьфу! — Серёги Хрунова были два старших брата, и это, с одной стороны, позволяло ему иметь защиту от чужаков, но это же постоянно подвергало его неким притеснениям внутри семейного клана со стороны более взрослых сородичей. А потому характер его формировался своеобразно. Наверное, потому он и стал правдолюбом и хранителем норм мальчи-

шеского существования, которые сводились к ряду истин. Таких вот: бить ни за что — нельзя. Врать, чтобы избежать помолота, — тоже, и так далее.

После окончания школы мы оба были призваны в армию, но я служил в Москве, а Серёга — в Н-ске, в милбате, как говорили в Черноводске, “в огородах”.

Отслужив, он поступил в школу милиции, окончил её и стал работать в одном из левобережных отделов милиции. Я к тому времени окончил юр-фак и несколько лет работал адвокатом в н-ской адвокатуре.

В восемьдесят восьмом, когда все ждали прихода социализма с человеческим лицом, Серёга разыскал меня. Был он в милицейской форме с погонами капитана и сказал, что у него возникла проблема.

— Излагай, — сказал я ему.

— Сведи меня с Леоновым, — произнёс он.

С Леоновым мы когда-то учились в одной группе. Он работал в городской прокуратуре.

— Для ча? — спросил я его.

— Дело есть, — ответил он.

— А ты откуда знаешь его возможности?

— Я всё знаю, — ответил Серёга так же уверенно и безапелляционно, как тридцать лет назад во время наше первой встречи в Черноводске.

— И всё же?

— Ладно, тебе скажу. Козла одного из прокуратуры наказать надо, совсем совесть потерял.

Мы поехали к Леонову.

Там Серёга рассказал, что к нему коллега из соседнего отдела привёл парня, у которого вымогал взятку за прекращение уголовного дела помпрокурора района.

— Статья? — деловито поинтересовался мой одногруппник Леонов.

— Сто семнадцатая.

— Ну, батенька, это же частно-публичное обвинение. Такие дела возбуждаются по заявлению потерпевшей. Такое заявление есть?

— Есть, — сказал Серега. — Ваш коллега принудил мнимую потерпевшую такое заявление написать.

— Ну, если вы уверены в этом, то ваши начальники должны получить санкцию прокурора города на проведение операции, а всё остальное — дело вашей милицейской техники, — сказал Леонов.

— Мои начальники боятся идти за санкцией, — сказал Серега.

— А я при чём? — спросил Леонов.

— Я скажу им, что консультировался у вас.

— Ну, я ещё не прокурор города, — ответил Леонов и продолжал: — И вряд ли им буду в обозримые пятьдесят лет.

— У вас репутация порядочного профессионала. А это действует.

Надо сказать, что Леонов, несмотря на свою молодость, тоже был правдолюбом, и, наверное, это было известно Серёге.

— Ну, если это подействует, тогда свирепствуйте, — сказал Леонов.

И Серёга с коллегой снова пошёл к начальству. Но начальство не хотело ссоры с прокуратурой. Однако Серёга дипломатично намекнул, что он уже консультировался с сотрудниками прокуратуры, и назвал фамилию Леонова.

— И что сказал Леонов? — поинтересовался начальник райотдела.

— Он сказал, что это обычное дело, и прокурор города заинтересован в том, чтобы *оборотней в погонах* было как можно меньше, в том числе и прокурорских.

Намёк на то, что Серёга консультировался с Леоновым, возымел действие. Начальству ничего не оставалось, как идти за санкцией на операцию к прокурору города.

Но там вышла неожиданная заминка. Прокурор потребовал предоставить сотрудников, которые...

— Которые... хотят провести операцию, — попытался продолжить начальник райотдела.

— Да, — сказал прокурор города, — которые возжелали прокурорской крови.

На этой стадии дрогнул Серёгин коллега, который, собственно, и был инициатором попытки вывести взяточника на чистую воду. Он отказался от участия в операции, понимая, что любая промашка может стоить ему не только карьеры, но и службы.

И Серёга поехал к прокурору города один. Точнее — со своим начальником. В кабинете прокурора города он изложил последнему ситуацию.

— Ваш сотрудник, — сказал он, — требует взятку.

Но прокурор города не был бы прокурором, если бы не выяснил всех деталей, и Серёга был подвергнут квалифицированному допросу.

— Как вы узнали об этом? — спросил прокурор.

— Мне рассказал об этом коллега.

— А почему этого не сделал сам коллега?

— Он не верит в то, что ситуацию можно разрешить в соответствии с законом.

Серёга выбрал правильную тактику: если бы он сказал что-либо о справедливости, то прокурор вряд ли бы понял его. Справедливость — не прокурорская категория.

— А вы, значит, верите?

— Безусловно, — сказал Серёга.

— Взятчик назначил срок?

— Да, но мы тянем, говорим, что ещё не собрали денег.

— Вы — это вы и возможный потерпевший?

— Да.

— А скажите, мне... капитан, инициатива проведения операции исходила от вас или... от потерпевшего.

— Потерпевший обратился за помощью к нам, — дипломатично ответил Серёга.

— Как вы собираетесь проводить операцию?

— Тривиально, — ответил Серёга. — Мы вручаем потерпевшему меченые купюры, а потом задерживаем взяточника с поличным, изымаем купюры и фиксируем их процессуально.

— Процессуально, — повторил прокурор, поднялся из-за стола и подошёл к окну, — процессуально...

Он некоторое время смотрел в окно, а потом сказал Серёге:

— Вы, капитан, свободны.

Серёга вышел из кабинета. Был субботний день, в приёмной прокурора города никого не было. Серёга закрыл внутреннюю дверь кабинета, но внешнюю дверь тамбура оставил открытой.

— Проводите мероприятие, — сказал начальнику райотдела прокурор города, — и готовьте документы на увольнение этого правдолюбца. Если ситуация сфабрикована или операция провалится... в тот же день представление о его увольнении мне на стол.

— Возможно, он откажется... — сказал начальник отдела.

— Это уже ваши проблемы, — ответил прокурор.

Продолжение разговора было уже в кабинете начальника отдела, куда Серёга переместился на общественном транспорте, поскольку начальник в машину его не взял.

— Прокурор сказал, что тебя нужно увольнять, если ты не откажешься, — сказал ему начальник.

— Основания? — спросил Серёга.

— Дискредитация надзорных органов, — заявил начальник.

— Я не знаю такого основания, — ответил Серёга. — Разрешите приступить к операции?

— Приступай, — сказал начальник, а потом добавил: — ...те.

С человеком, который уже одной ногой вне системы, всегда нужно говорить вежливо и официально.

Серёга не знал, что начальник уже отдал распоряжение, и потерпевшего «с собаками» ищут коллеги, дабы убедить его отказаться от участия в операции. Но Хрунов не был бы Хруновым, если бы не предусмотрел подобных действий со стороны коллег. Он ещё до посещения прокурора города спрятал потерпевшего у старшего брата на квартире.

Разумеется, шансов, что операция при таком мощном противодействии закончится удачно, у Серёги было мало, но помпрокурора настолько уверовал в свою безнаказанность, что не почувствовал подвоха и попался в расставленную Хруновым ловушку.

Серёгу не уволили, но и героем того времени он почему-то не стал.

Хотя одно время его за глаза называли “ловцом прокуроров”, а рассказ о нём для молодых милиционеров в отделах на левом берегу начинался словами:

— Тут было один наш сотрудник “возжелал прокурорской крови”...

Единственным дивидендом Серёги после той операции стала дружба с Леоновым...

Телефон вновь зазвонил...

— Ты чего трубку бросаешь? — спросил Леонов.

— Это не я, это связь такая.

— Ты понял, о чём я говорил?

— Да, — ответил я, — жалко Серёгу... А где он работал в последнее время?

— Там же, — сказал мой одногруппник, — на левом берегу.

— Слушай, — спросил я, — в каком звании он был в последние годы?

— В капитанском, — ответил Леонов. — В каком ему ещё звании быть!